

УДК 9(С18) + 2

Сибирский социум в представлении духовенства Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В работе анализируются коллективные представления духовенства Восточной Сибири о сибирском социуме второй половины XIX в., отразившиеся в отчетах о состоянии епархий.

Ключевые слова: сибирский социум, духовенство Восточной Сибири, религиозно-нравственное состояние, ссыльные, раскольники, инородцы, переселенцы.

Специфика сибирского социума может быть выявлена только при сопоставлении взглядов множества наблюдателей и исследователей. Наиболее постоянными, внимательными и заинтересованными в изучении сибирского населения во второй половине XIX – начале XX вв. можно считать священнослужителей. Их коллективные представления о сибиряках отразились, прежде всего, в отчетах о состоянии Иркутской, Енисейской и Забайкальской епархий, которые достаточно полно сохранились в РГИА, ф. 796 (Канцелярии Синода). Отчеты основывались как на материалах, поступивших от благочинных, так и на личных впечатлениях епархиального архиерея, полученных в ходе обязательной поездки для обозрения епархии (в сибирских условиях – незначительной ее части) и подписывались им. В отчете давалась характеристика деятельности консистории, духовенства, а также паствы, более или менее подробная. Те или иные сюжеты и оценки акцентировались в зависимости от личных взглядов главы епархии.

Определенную трудность вызывает ответ на вопрос – считать эти коллективные представления взглядом извне или изнутри? С одной стороны, доля священников, прибывших из Европейской России, бывала довольно значительной (в 1860–70-х гг. – до 1/3), да и сам епархиальный архиерей не был сибиряком. С другой стороны, отношение местных священников к приехавшим со стороны было скептическим, так как считалось, что из Европейской России едут «или искатели наживы, или такие лица, которые по тем или иным причинам не рассчитывают получить место в своей епархии» [7, л. 60б.]. Уместным здесь кажется подход Н. Н. Родигиной, которая, характеризуя коллективные представления о Сибири, зафиксированные в толстых журналах, указала на их двоякую природу [10, с.47]. И в рамках нашей темы, с одной стороны, можно говорить об автохарактеристике сибирского социу-

ма, поскольку духовенство, несомненно, составляло его неотъемлемую часть, с другой – епархиальный архиерей имел достаточно материала для сравнения сибиряков с населением Европейской России, что можно считать взглядом «извне».

Термины «сибиряки» и «сибирское население» в отчетах о состоянии епархий становится общеупотребительным только в 1880-х гг. В 1860–70-х гг., как правило, использовались понятия – «паства», «прихожане», «народонаселение епархии». Все термины употреблялись в одинаковом или сходном контексте – для характеристики религиозно-нравственного состояния православных верующих, которое признавалось неудовлетворительным.

На протяжении всего последующего времени в отчетах встречаются многочисленные характеристики сибиряков, как своеобразной социальной общности. Среди положительных качеств упоминались развитость крестьян и распространение благотворительности – «народ никогда не отказывается от посильного украшения храмов Божьих». Вместе с тем, во всех отчетах содержатся суждения о слабой религиозности сибиряков, которая выражалась в «холодности к посещению храма», нарушении постов, «неуважении воскресных и праздничных дней», незнании молитв, неисполнение долга исповеди и причастия, укоренившейся привычкой говеть раз в два года, формальности в исполнении христианских обязанностей.

Среди пороков наиболее распространенным духовенство считало пьянство, что отмечено буквально во всех отчетах во второй половине XIX – начале XX вв. Кроме того, достаточно часто упоминается «небрежение о целомудренной жизни», сквернословие, грубость нравов, драки. Реже говорится о распространении картежной игры, семейных раздорах, неверности в супружестве, злословии, сплетнях и т. д.

Основы этих нравственных качеств представители духовенства видели в специфике процесса формирования сибирского населения, которое «с самого начала составлялось из людей «гулящих», т. е. бродяг, искателей скорой наживы, а потом из ссыльно-поселенцев» [5, л. 15об.]. Такой взгляд был достаточно широко распространен и, в частности, отразился в популярной публицистике того времени. Однако священнослужители приходили к логичному именно для них выводу – «от такого населения трудно ждать истинно христианского благочестия». Причем влияние ссылки рассматривалось как постоянно действующий негативный фактор: ссыльные без семьи и потому развратничают и местных приучают; работают на золотых приисках, а потом пропивают заработки на местах приписки. Даже в тех случаях, когда духовенство отмечало, что «значительная часть [ссыльных] состоит из образованных и талантливых людей, которые успевают поставять себя в состояние очень влиятельное на массу народонаселения» [2, л. 33], это влияние признавалось негативным. Однако такое мнение было не всеобщим. Один из благочинных Забайкальской епархии в 1894 г. писал: «Ссыльно-каторжные гораздо нравственнее приисковых рабочих, да даже и местных жителей. Ссылный, особенно прежних лет, идя в Сибирь, принес собой твердую веру в Бога, лю-

бовь к родине, в частности, и к отчизне вообще, традиции семейные и общественные. Всего этого у сибиряка полное отсутствие» [1, л. 24].

Таким образом, по тексту отчетов видно, что «сибиряк» в представлении духовенства – прежде всего православный крестьянин, предки которого когда-то переселились в Сибирь. Коренное население Сибири в отчетах именуется «инородцами» или «крещеными инородцами», т. е. в процессе христианизации оно не обретает статус «сибиряка», хотя, как известно, обращение в православие предполагало русификацию. Правда, этот процесс был не так однозначен, и в отчетах отмечалось как обрусение инородцев без принятия крещения (например, в Китайском ведомстве), так и чисто формальное отношение коренного населения к православию, причем двоеверие «инородцев» считалось естественным переходным явлением.

Отличной от сибиряков категорией населения были для духовенства раскольники. Наибольшее внимание им уделялось в отчетах по Забайкальской и Енисейской епархиям, где процент старообрядцев был выше, чем в Иркутской епархии. Вместе с тем, духовенство не видело большой угрозы «отпадения в раскол», потому что «сибиряки с одной стороны веротерпимы, с другой – не допускают и рассуждений о преимуществе верований» [4, л. 57].

По мере развития социально-экономических отношений в Восточной Сибири сибирский социум характеризуется более дифференцированно. Значительную часть сибирского населения в начале XX в. составляли переселенцы. В отчетах их сравнивают с сибиряками и отмечают, что в общем они более религиозны, чем старожилы, но, «сойдясь в одном месте из многих российских губерний», стремятся сохранить обрядовые различия и тем самым подчеркнуть этническую специфику. Воспринимались духовенством как «пришлые» и рабочие заводов, промыслов, население железнодорожных станций, которые, независимо от их происхождения, характеризовались как разрушители патриархальных устоев сибирского крестьян. Таким образом, по представлениям духовенства, не только приток «чужого» населения, но и род занятий влиял на религиозно-нравственное состояние сибиряков: «Население, живущее вдоль главных водных и сухопутных путей, имея более или менее постоянный заработок от сплава, гоньбы, торговли и промышленности, по железной дороге и в больших городских и сельских центрах, то есть живущее в большинстве случаев вне зависимости от случайностей жизни земледельца, менее чувствительно к воздействию промысла Божия» [9, л. 23].

Наиболее подробно в отчетах характеризуется само духовенство как часть сибирского социума. Прежде всего, в них отразилась озабоченность процессом воспроизводства сословия: все меньше детей сибирских священников выбирали родительскую стезю. Эта общероссийская тенденция – превращение сословия в профессиональную группу – известна и отмечена исследователями, но в условиях Сибири это обстоятельство приводило к недостатку подготовленных кадров священнослужителей, хотя доля иносословных представителей в составе священно- и церковно-служителей возрастала. «Автопортрет» духовенства можно рассматривать как критически-аналитический. С одной стороны, отмечаются многочисленные примеры

добросовестного служения священников, заслуживших уважение паствы. С другой стороны, значительно больше внимания уделяется недостаткам духовенства, среди которых «неназидательность священнослужения», нередкое пьянство, формальное отношение к делу, отсутствие стремления к самообразованию. Объяснение причин такого положения свидетельствует о неразрывной связи духовенства с другими группами сибирского социума: «На белом духовенстве, живущем среди мира, всегда более или менее отражаются хорошие и худые стороны светского общества. От того те из духовенства, которые живут ближе к образованному обществу, иногда увлекаются пороками этого общества, а живущие среди сельских жителей опускаются до пороков этих последних» [3, л. 76].

Таким образом, отчеты о состоянии епархий отражают коллективные представления духовенства Восточной Сибири о факторах формирования сибирского социума с акцентированием роли ссыльных в этом процессе на всех этапах его развития. Негативное отношение к ссылке сближает их с либералами, народниками, областниками в этом вопросе. В то же время, некоторые социокультурные характеристики, данные представителями духовенства, не вполне совпадают со стереотипными представлениями о сибиряках. Так, чувство собственного достоинства упоминается только при характеристике русского населения Туруханского края, которому свойственна «не пониженность или льстивая угодливость, а спокойное, приветливое, с сознанием собственного достоинства, отношение не только к равным себе, но и к лицам привилегированного положения» [8, л. 38]. Связывается это, в первую очередь, не с отсутствием крепостного права в Сибири, а с влиянием суровой природы, что обусловило и более значительную религиозность местных жителей, поскольку опасности во время рыбной ловли и охоты в Туруханском крае «заставляют человека часто обращаться к милости бога». В то же время отсутствие крепостного права признается важным фактором формирования специфики сибирского населения. По мнению иркутского архиепископа Тихона, «сибиряк, не испытавший на себе тяжелой школы крепостной зависимости, а выросший и окрепший на воле, гораздо свободолюбивее российского человека, он не склонен чувствовать над собой авторитетов, и в частности авторитета религии и церкви» [6, л. 68об.]. В целом, представления духовенства Восточной Сибири о сибиряках отражают особенности сибирского населения, которые были видны им лучше, чем кому бы то ни было.

1. ГАЗК. Ф. 8.Оп. 1.Д. 4.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 419.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 928.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1281.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1282.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1837.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1895.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2578.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2640.

10. *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.

Siberian Society in Opinion of the clergy of Eastern Siberia (the Second Half of the XIXth- the Early XXth C.)

G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk

The paper examines collective opinion of the clergy of Eastern Siberia on the Siberian society of the second half of the XIXth c. that was recorded in the reports about the service in eparchy.

Key words: Siberian society, clergy of Eastern Siberia, religious and moral state, exiles, the Raskolniks, the Non-Russians, settlers.

***Оглезнева Галина Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. (3952)240522, e-mail: gogl@mail.ru <mailto:mimo@hist.isu.ru>*

***Oglezneva Galina Vasilevna** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone (3952) 240522, e-mail: gogl@mail.ru*